

НИ ОДНА дискуссия или конференция, ни одна статья в газете или очерк в журнале по вопросам искусства не обходится сейчас без обсуждения проблемы современности во всех ее аспектах. Современен ли тот или иной актер, режиссер, современны ли произведения или вид искусства? Вопросы, действительно, первостепенной важности, но в применении к актерскому творчеству они, как мне кажется, не всегда трактуются точно. Можно определенно говорить о современном кинематографе, особенно — о выразительных средствах, стиле, разнообразии и т. д. Но вряд ли можно найти универсальное определение признаков современности актера.

Из практики мы знаем: современным может быть актер двадцатых, тридцатых годов и несовременным — актер наших дней. Вот актриса Малого театра В. Н. Рыжова, актриса старшего поколения (я видела посвященный ей вечер по телевизору), полностью отвечала современным требованиям. А Бабочкин в «Чапаеве»? А Симонов в «Петре Первом»? А Марецкая в «Члене правительства»? А Черкасов в «Депутате Балтики»?..

Мне кажется, основные принципы актерской работы в кино определились еще тогда, когда были созданы «Чапаев», «Встречный», трилогия о Максиме, «Великий гражданин»... Уже в этих картинах был продемонстрирован высокий класс актерской игры, который тоже обеспечил им долголетие.

Современность актерского творчества — это прежде всего талант, талант, созвучный своей эпохе и находящий живой отклик у зрителей. Например, героини Л. Орловой были рождены эпохой тридцатых годов. По существу, это был тип женщины того времени, времени больших ожиданий, времени великих свершений, первых пятилеток.

Почему-то сейчас как-то не принято говорить об актере как о типе, типаже. Мне кажется, это недоразумение возникло еще в эпоху немого кино.

Но возьмите наших современников — Смоктуновского или Ульянова. Несмотря на громадный диапазон актерских возможностей, каждый из них создает на экране совершенно определенный человеческий тип, потому что в каждую роль и Смоктуновский, и Ульянов привносят свою тему — гражданскую, актерскую, как бы живой кровью наполняя драматургический рисунок роли. Индивидуальность, личность — вот что отличает мастера от

ремесленника. Иногда даже не требуется клейма мастера: мы и так узнаем его руку. Почему, спрашивается, мы должны упрекать актера, если он, играя разные роли, ни под каким слоением грима не может скрыть свою индивидуальность, не может изменить своей человеческой сущности? Я вижу: в любой роли Жан Габен — это Жан Габен, Олег Жаков — это Олег Жаков, и мое впечатление от этого «узнавания», поверьте, совсем не страдает. Точно так же, если я брожу по выставке и узнаю автора картины, не читая подписи

его образ — тип, созвучный эпохе.

К сожалению, в кинематографе даже при самых счастливых условиях создать полноценный образ очень трудно. Времени для репетиций очень часто не бывает ни минуты. Что уж говорить о «вживании в образ» и прочей высокой материи!.. И вот тут-то на первый план выступает проблема профессионализма.

Говоря об индивидуальности актера, очень часто забывают суть. К сожалению, мне приходится сплошь и рядом видеть печальные последствия такого забвения. Актер, который не заботится о совершенствовании, не работает над собой, перестает быть актером. Это явление характерно для кино особенно. Часто за так называемой «сдержанностью» скрывается пустота, за пробалтываемым второпях текстом — бедность эмоций и скудость собственных мыслей. Кое-кому в кинематографе удается serenely сниматься десятилетиями, и только потому, что фильм рождается как синтез усилий коллектива: глядишь, за счет монтажа в одном месте, за счет режиссуры в другом, света, грима в третьем актер благополучно миновал все рифы и выплыл на экран.

Что же такое профессия? В энциклопедических справочниках сказано так: род трудовой деятельности, занятие, требующее определенной подготовки, и т. д. Однако здесь вы не найдете слова «призвание». А любая профессия, по моему глубокому убеждению, — это призвание. Актерская — в особенности. Ибо нигде так явно не бросается в глаза несоответствие человека и выбранной им профессии, как в искусстве. На сцене или на экране — все равно. Не надо бояться, что не успеешь сыграть какую-то роль, надо бояться того, что рано или поздно про тебя скажут: «А король-то голый!»

Профессия — это линза. Нужно собирать все, что видишь и слышишь в жизни, аккумулятировать в себе и только потом через свою индивидуальность, через свою человеческую сущность высказать нечто новое, свое, тобою найденное. Художник должен быть всегда открыт для новых впечатлений, всегда должен искать новых встреч с людьми. И не только с людьми из мира искусства. Это, конечно, не означает, что надо бегать по улицам и лихорадочно набирать впечатлений. Но душевная открытость всегда должна отличать актера, если он всерьез хочет отвечать высокому назначению — быть выразителем своей эпохи.

Алла ДЕМИДОВА

ПРИЗВАНИЕ

На днях открывается пленум правления Союза кинематографистов СССР, посвященный работе актера в кино в свете постановлений ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию советской кинематографии».

Корреспондент «ЛГ» К. Ляско попросил актрису Аллу Демидову поделиться своими мыслями об актерской профессии.

А. Демидова в фильме «Визит вежливости»

к ней, меня это только радует. Я уж не говорю о том, как бывает приятно заглянуть в чью-то на середине раскрытую книгу и узнать Чехова или Толстого. Слово неожиданно встретился с давним другом. Почему же от актера требуют всякий раз быть неузнаваемым?

Конечно, нетрудно мне возразить, заметив, что актер может повторяться в каждой роли и его «тип» очень скоро превратится просто в штамп. Но в том-то и дело: каждая новая роль для подлинного художника — это ступень в неведомое, это белый лист, когда не знаешь, с чего начать, потому что нужно напрочь забыть все сыгранное тобой ранее и сделать эту новую роль как первую и последнюю. И при удаче, при счастливом триединстве — наличии хорошего драматургического материала, талантливого режиссера и актера с яркой творческой индивидуальностью — рожда-